

Сергей Антонов

Все вижу!

12+

Сергей Антонов

Все вижу!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Антонов С. В.

Все вижу! / С. В. Антонов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Слепая девочка переезжает из Англии во Францию и оказывается в полном тайн старинном замке. Выясняется, что внутренним взором она видит гораздо больше, чем зрячие. Однако этого мало, чтобы раскрыть тайну последнего магистра ордена тамплиеров Жака де Молэ и остановить убийц, охотящихся за кладом рыцарей-храмовников. Сможет ли юная Рэйчел Миддлуайт сделать то, что не под силу взрослым?

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	17
5	19
6	23
7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

1

К половине двенадцатого рейсовый автобус, выехавший из Парижа, миновал предместья столицы и оказался на территории старой доброй Франции, среди бесконечных полей и однотипных сельских домиков. С дороги они казались игрушечными и могли бы стать прекрасной декорацией для съемок фильма из цикла «Волшебная Страна Оз», но девочку, занимавшую место в середине салона ничуть не интересовали виды из окна.

Ее хорошенечкое, обрамленное каштановыми локонами лицо, время от времени озаряла улыбка. Юная пассажирка кивала головой в такт мелодии, лившейся из наушников и на протяжении нескольких часов пути успела сменить в плеере не один компакт-диск. Она выглядела вполне счастливой и только солнцезащитные очки в тонкой пластмассовой оправе, надетые несмотря на пасмурную погоду, говорили о том, что девочка не может видеть.

Женщина, занимавшая место рядом с Рэйчел Миддлуайт была не прочь поболтать. Всю дорогу она пыталась разговаривать слепую попутчицу, но Рэйчел предпочитала отвечать на все вопросы односложно.

– Через пару часов будем на месте, – сообщила неугомонная соседка, не особенно надеясь на ответ.

– Я знаю.

Рэйчел наклонилась и погладила свернувшегося у ее ног белого в рыжих подпалинах пса. Колли в ответ лизнул руку хозяйки.

– Ты не можешь этого знать, милая, – заявила попутчица.

– И все-таки знаю, – улыбнулась Рэйчел. – Примерно двадцать минут назад автобус свернул с шоссе.

– Даже я не обратила на это внимание.

– Это потому, что вы видите, а я привыкла пользоваться другими органами чувств. Асфальт немного отличается от того, что был раньше. Не такой ровный, как на скоростной автострате. Кроме того, здесь нет большегрузных машин. Двигатели легковушек гудят иначе.

Женщина с удивлением посмотрела на девочку, но выражать свое восхищение аналитическими способностями Рэйчел вслух не стала.

– Твой акцент, милочка...

– Я родилась и жила в Англии, мадам.

Рэйчел вставила новый диск, приготовившись слушать любимую аудиокнигу. Автобус плавно притормозил. С шипением рассерженной змеи распахнулась передняя дверь.

– Сен-Ла-Круа! – объявил водитель.

На этой остановке вышел только один пассажир. По звуку шагов Миддлуайт определила, что это был мужчина. Очень странный мужчина. Девочка нажала клавишу “стоп” и попыталась понять, откуда взялось чувство беспокойства. Скорее всего, из-за человека, который минуту назад покинул автобус. От него разило потом. И это при всем том, что кондиционеры в салоне работали исправно, а на дворе стояла поздняя осень. Пассажир, который сошел в предместье Сен-Ла-Круа, очень волновался. Рэйчел втянула ноздрями воздух. К ароматам булочек и духов примешивался запах опасности, который почему-то ассоциировался с недавней гибелью родителей.

В следующую секунду с ней произошло то, что Рэйчел определяла для себя как ВСПЫШКА. В такие моменты она видела то застывшие картинки, то короткие отрывки из многосерийного кинофильма о жизни на планете Земля. Внутренним, конечно, зрением, но видела. Последняя вспышка произошла в ночь, когда Уильяма и Наоми Миддлуайт завалило в шахте, которая вела в самое сердце ритуального сооружения ацтеков.

Тогда неведомая сила прижала голову Рэйчел, находившуюся за тысячи километров от родителей, к подушке. Сейчас та же сила отбросила Рэйчел на спинку сиденья. Мерное гудение автобусного двигателя сменил шорох сыпавшегося со свода шахты песка. Беспорядочно заматались лучи фонарей, прикрепленных к каскам археологов.

– Наоми! – прозвучал в голове Рэйчел голос отца. – Нам нужно, как можно скорее выйти на поверхность! Бежим, милая!

– Это из-за взрыва? – задыхаясь от бега, выкрикнула мать.

– Да, черт его возьми! Я говорил, что пользоваться динамитом здесь – сущее безумие! Я предупредил...

Нарастающий гул перекрыл голос Уильяма Миддлуайта и растворил его в себе. Песок полился сплошным потоком, а затем наступила тишина. Слепленное из миллиардов песчинок, горячее и сухое безмолвие. Смерть, пахнущую как...

– Динамит, – хрипло прошептала Рэйчел, возвращаясь в реальность. – Он пахнет нитроглицерином.

Каштановые волосы девочки слиплись от пота, а лицо стало бледным, как мел. Тот пассажир оставил в автобусе что-то, что пахло нитроглицерином!

– С тобой все в порядке, милая? – поинтересовалась соседка.

– В полном, – Рэйчел попыталась улыбнуться и поняла, что ничего из этой затеи не вышло. – Тот пассажир, который недавно вышел...

– Молодой и очень симпатичный араб в клетчатой сорочке? – беспечно проворковала женщина. – Скорее всего, студент...

– Он ничего не забыл в автобусе? – нетерпеливо перебила болтушку Рэйчел. – Пакет, сумку, что-нибудь еще из багажа?

Женщина медлила с ответом, а Рэйчел, привыкшая мыслить литературными образами, подумала о часах в комнате, где за столом сидели Безумный Шляпник и Мартовский Заяц. Стрелки, всегда показывавшие время чаепития, сдвинулись с места. Пришел в движение маятник и часы принялись отсчитывать время до...

– Ты... Ты права, милочка, – беспечные нотки в голосе соседки сменил тон, в котором отчетливо слышался ужас. – Он сидел сзади, а теперь там лежит зеленый полиэтиленовый пакет. Ты думаешь...

– Тише! – приказала Рэйчел. – Паника – последнее, что пригодится нам в нынешнем положении.

– Там бомба?

– Я же сказала: тише! Где мы едем?

– Дорога проходит между полей...

– Отлично! Сейчас вы подойдете к водителю и совершенно спокойно попросите остановить автобус. Скажете, что мне стало плохо. Это понятно?

В голосе Рэйчел звучали решительность и властность, не оставлявшие ни малейшего повода для возражений. До смерти напуганная женщина встала и двинулась по проходу в голову автобуса. Миддлуайт потрепала колли за ушами.

– Бродяга Честер. Безумное чаепитие подошло к концу. Пришло время действовать. Ты поможешь мне? Вот и отлично. Пакет на заднем сиденье. Возьмешь и по моей команде вынесешь из автобуса. Все ясно, умная собачка?

Из головы салона доносился голос женщины, втолковывавшей водителю:

– Девочке плохо. Наверное, ее укачало...

Автобус начал останавливаться. Рэйчел легонько подтолкнула Честера. Тот, повиливая пушистым хвостом, прошел к заднему сиденью и вернулся к хозяйке с пакетом в зубах. Напрягшись, как струна, девочка дождалась звука открываемых дверей.

– Вперед, Честер!

Выбегая из салона, пес едва не сбил с ног соседку Рэйчел. Все пассажиры изумленно следили за слепой девочкой, которая, цепляясь за поручни, выбралась из автобуса.

– Бросай пакет и ко мне! Быстро, бродяга!

Колли послушно разжала зубы. Зеленый пакет упал на стерни скошенной кукурузы.

Честер рванулся к хозяйке. Первым справился с оцепенением водитель. Он вскочил с места, схватил Рэйчел за воротник свитера и втащил в автобус. Колли запрыгнул в салон уже на ходу и сразу принялся лизать лицо упавшей в проход хозяйки.

Рэйчел села на пол и обняла пса.

– Милый, милый Честер. Ты настоящий герой!

Автобус набирал скорость, удаляясь от зловещего пакета. Взрыв, хоть его и ждали, прогремел неожиданно. От гулкого динамического удара завибрировала земля. Автобус слегка качнуло. Все кроме Рэйчел прикинули к окнам и заморожено смотрели на оседавший столб пыли.

– Террорист! – обрела дар речи соседка Миддлуайт. – Он хотел взорвать автобус, а эта девочка спасла нас всех!

– Благодарить надо не меня, а Честера, – возразила Рэйчел, возвращаясь на свое место. – В любом случае все позади.

Не обращая внимания на восторженные возгласы, она включила плеер, нацепила наушники и, откинувшись на спинку сиденья, слушала “Волшебную флейту” до тех пор, пока сирены полицейских автомобилей сделали процесс наслаждения музыкой невозможным. В автобус втиснулся толстяк в светлом плаще, сразу заслонил собой весь проход и обвел пассажиров внимательным взглядом, от которого даже самые законопослушные граждане почувствовали себя неуютно.

– Я – комиссар Мортрэ. – объявил он. – Кто-нибудь может связно рассказать мне о том, что произошло?

Юная Миддлуайт, не пыталась внести свою лепту в разговор. Она спокойно выслушивала показания пассажиров, ни один из которых не запомнил особых примет террориста. Все твердили одно и то же: смуглое лицо, орлиный нос и клетчатая рубашка.

Когда сиденье рядом с Рэйчел жалобно скрипнуло под весом комиссара, девочка почувствовала запах пива и, повернувшись к Мортрэ, приветливо кивнула.

– Здравствуйте, комиссар. Меня зовут Рэйчел Миддлуайт.

– Если пожелаешь, зови меня просто Морис. Откуда едешь?

– Вообще-то из Англии, но я не думаю, что вы пришли сюда только для того, чтобы узнать, как поживает Ее Величество.

– Правильно, есть темы поважнее. Итак, тебе удалось предотвратить взрыв?

– Слишком сильно сказано. Просто мне показалось, что запах нитроглицерина в пассажирском автобусе также неуместен, как фламинго в крокете. Все остальное сделал Честер.

– Как я понимаю, Честером зовут твою собаку-поводыря. А при чем здесь фламинго?

– Ими пользовались, как клюшками, – с невинным видом сообщила Рэйчел. – В “Алисе” Льюиса Кэррола.

– Ах в “Алисе”! – буркнул Мортрэ, явно раздосадованный тем, что не сразу вспомнил о любимой игре Черной Королевы. – Теперь девочка, давай-ка обо всем по порядку.

Повествование Миддлуайт было коротким и обстоятельным.

– Яркая клетчатая сорочка – стандартный прием, – закончила Рэйчел. – Так поступают все преступники, чтобы отвлечь внимание свидетелей от более существенных деталей.

– Согласен, но гораздо больше меня интересует другое. Ты почувствовала запах нитроглицерина...

– Динамита, комиссар, – поправила Рэйчел. – Сам по себе нитроглицерин слишком нестабильная субстанция. Она реагирует на малейшие механические и температурные воздей-

ствия. Поэтому в нитроглицерин добавляют специальные примеси и получают динамит, который гораздо удобнее для транспортировки. Об этом рассказывал мне отец. Он был археологом.

Комиссар поерзал кресле.

– Теперь я понимаю, почему в столь дальнее путешествие тебя отпустили одну. Ты умна и не так беспомощна, как кажется на первый взгляд.

– Со мной Честер, а уж он не даст меня в обиду, – девочка ласково погладила колли по спине. – Правда, дружок?

Честер с готовностью твякнул в ответ и провел лапой по коричневому ботинку Мортрэ.

Комиссар подозвал подчиненного, тихим голосом отдал ему указания.

– Что ж, Рэйчел Мидллуайт. Твой поступок достоин самых высоких похвал. Думаю, что наш террорист не сможет уйти далеко. Здесь кругом деревни, а сельские жители быстро замечают посторонних. В знак своей признательности могу подбросить тебя до дома родственников.

– Спасибо, комиссар. Я доберусь на автобусе. Дядя встретит меня на остановке.

– Что ж... Тебе виднее. А кто твой дядя?

– Его фамилия Мулеж. Он работает садовником в Крессе де Молэ.

– Знаю старину Пьера и скажу только одно: у него очаровательная племянница.

– Спасибо, комиссар. Рада была вам помочь.

Мортрэ встал. Рэйчел слышала, как он сделал несколько шагов к выходу, а затем вернулся.

– Прости мою назойливость, девочка. Ты собираешься жить в замке?

– Дядя Пьер – мой единственный родственник. А почему вас удивляет то, что мне придется жить в замке?

– Удивляет? Нисколько! – Мидллуайт уловила в голосе комиссара нотки смущения. – Просто... Просто о Крессе де Молэ ходят разные слухи. Возможно, они не имеют ничего общего с истинным положением дел, но все равно это не слишком веселое место для юной леди.

– Другого у меня просто нет, – развела руками Рэйчел.

Получив разрешение ехать, водитель решил наверстать упущенное время и погнал автобус с такой скоростью, что жизнь пассажиров, спасшихся от взрыва, снова оказалась под угрозой. Впрочем, пассажиров мало интересовали скоростные режимы. Все они, кто украдкой, кто открыто смотрели на Рэйчел и перешептывались.

Очередной остановкой было Крессе де Молэ – конечная точка длинного путешествия Мидллуайт. Она вышла из автобуса, в сопровождении Честера, самоотверженно тащившего в зубах спортивную сумку хозяйки.

Раздался радостный возглас, шум приближающихся шагов и Рэйчел оказалась в объятиях дяди.

– Вот и ты! Как выросла и похорошела! Путешествие не было утомительным?

– Ничуть дядя Пьер! Даже скучать не пришлось, правда Честер?

2

– Четырнадцать, пятнадцать... Честер, глупый пес, перестань путаться под ногами! Ты хочешь, чтобы я упала и расквасила нос об этот каменный пол? Сколько раз предупреждала, что нажалуюсь в Международную Ассоциацию собак-поводырей и тебя исключат за поведение несовместимое с должностью!

Колли залаял, видимо добиваясь прощения.

– Ладно уж, – благосклонно сказала Рэйчел. – Ты же знаешь: я не ябеда. Шестнадцать...

Второй день, проведенный в замке Крессе де Молэ как две капли воды походил на первый, за исключением того, что сегодня Рэйчел закончила изучение комнат первого этажа старинного замка. Этот на первый взгляд простой процесс требовал от девочки целеустремленности, внимательности и хорошей памяти.

Теперь Рэйчел точно знала, что от входной двери ее комнату отделяет пятьдесят три шага, до ванной и туалета надо сделать четырнадцать шагов, а до каждой из двух лестниц на второй этаж, где находится комната дяди и его жены – двадцать один.

Из того, что ей удалось пощупать и измерить, больше всего понравились огромные напольные часы, с массивным маятником. Они отсчитывали минуты и часы так веско, громко и солидно, будто говорили: вы, людишки, ничего не понимаете в этой жизни, а я знаю о ней все.

Рэйчел любила прикасаться к старинным вещам, по всей видимости, унаследовав трепетное отношение к ним от родителей. А в замке, вещей, история которых уходила корнями в далекое прошлое хватало. Причем не все они были такими же дружелюбными ворчунами-всезнайками, как старые часы.

Поскольку осязание заменяло Мидллуайт зрение, то развито оно было значительно сильнее, чем у обычных людей. Рэйчел не просто касалась предметов руками. Она их сканировала. Так было с массивной дверной ручкой, отлитой из меди и привинченной к двери, ведущей, по словам дяди Пьера, в бывшую часовню.

Рэйчел коснулась ее всего один раз и, этого оказалось достаточно, чтобы дать себе зарок никогда не входить в часовню. Прохладный металл сохранил в ячейках своей кристаллической решетки липкий сгусток давней и очень негативной энергии. Тот, кто касался ручки много-много десятилетий назад, испытывал целый набор переживаний. Возможно, он сам не был плохим человеком, а может, просто оказался в отчаянном положении и входил в часовню, чтобы в разговоре с Богом на время избавляться от хлеставшей через край душевной боли.

Размышляя над этим, Мидллуайт не забывала вести отсчет шагам и добралась до конца холла. На очереди было обследование второго этажа, но Рэйчел решила сделать перерыв. Бродить по пахнущим сыростью, пропитанным астматическим дыханием древности помещениям, порядком надоело. К тому же на прогулке по саду, предмету своей особой гордости, настаивал дядя Пьер.

– Поверь мне, Рэйчел, – говорил он. – Садовников незаслуженно считают ремесленниками. Это глубоко ошибочное мнение. Любой, кто имеет дело с растениями и любит их – творческая натура, художник в своем роде. Я с удовольствием покажу тебе сад и опишу самые лучшие цветы. Жаль, что ты не сможешь их увидеть, но, почувствовав, ни с чем несравнимый аромат сразу скажешь: дядя Пьер – ты просто гений!

Предыдущую встречу с дядей нельзя было назвать знакомством: тогда Рэйчел исполнилось всего три года. Теперь они узнавали друг друга заново и Рэйчел успела понять, что ее французский дядюшка если и не гений, то уж во всяком случае очень хороший человек. Добрый и немного беззащитный. Для себя девочка решила, что он должен выглядеть как мастер Антонио, создавший Пиноккьо.

Что касается Фриды Мулеж, которую Рэйчел, не без внутреннего протеста, называла тетушкой, то в их отношениях не намечалось даже намек на зарождающуюся теплоту. Сразу после появления девочки в усадьбе и церемониала приветствий, “тетушка” постаралась расставить все по своим местам.

– Мы завтракаем в восемь, обедаем в два часа, а ужинаем в семь, – с претензией на аристократизм заявила мадемуазель Фрида. – Учти эти инструкции и постарайся не опаздывать.

Инструкции? Она что: новая электродрель фирмы “Чэбб”? Рэйчел покорило не только это слово. Сам тон госпожи Мулеж, напрочь отбивал всякое желание садиться с ней за один стол, вызывая большие сомнения в качестве приготовленных ею завтраков обедов и ужинов.

Впрочем, отношения с Фридой могли со временем и наладиться. Сейчас у Рэйчел хватало других впечатлений и переживаний, никак не связанных с родственными проблемами.

Первая ночь показала: вжиться в быт французского средневековья не так-то просто. Перина оказалась чересчур мягкой, простыни – жесткими, а колеблющийся от сквозняка занавес балдахина наводил на мысль о том, что из-за него в любой момент может выглянуть исхудавший и бледный призрак какого-нибудь барона, которого девочка хоть и немогла увидеть, но очень живо себе представляла.

Кроме того были звуки... При воспоминании о них, Рэйчел почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок. Замок был полон мрачных воспоминаний и изливал их с помощью скрипения половиц, стука ветвей деревьев в оконные стекла, стонов ветра в каминных трубах и невнятного шепота.

Этой ночью, этой ночью,

Этой ночью, верь не верь.

Кто-то страшный,

Кто-то страшный.

Постучался ко мне в дверь!

Мурлыча под нос стихотворение, которое Стивен Кинг сделал эпитафией к своим «Томминокерам», Миддлуайт сменила шлепанцы на кроссовки и уверенными движениями завязала шнурки. Со стороны могло бы показаться, что справляться со шнурками девочка умела с рождения. На самом деле эту нехитрый процесс она освоила только в восемь лет, а ходить, не пользуясь тросточкой и научилась в десять. Вся жизнь Рэйчел была одной бесконечной борьбой за то, чтобы выглядеть, как обычные, зрячие люди. Она добивалась неплохих результатов, одерживала маленькие и большие победы, но понимала: все чего достигла, было только приближением. Некой кривой, которая приближается к оси координат бесконечно близко, но никогда ее не достигает.

Рэйчел покинула комнату, прошла положенные пятьдесят три шага, оказалась на крыльце и подставила лицо солнечным лучам, которые имели удивительную способность не оставлять от ночных страхов камня на камне.

Крыльцо было границей, за которой начинался новый, пока еще не изученный мир. Стартовая площадка для летательного аппарата космической путешественницы Миддлуайт, осваивавшей маленькую планету Крессе де Молэ. Пока для передвижения по ней девочке требовалась помощь.

– Честер, ко мне!

Не прошло и десяти секунд, как запыхавшийся от быстрого бега пес начал тереться о ноги хозяйки. Рэйчел достала из кармана джинсов поводок, привычным движением прикрепила его к карабину ошейника.

– Давай-ка, дружок, отыщем дядю Пьера.

Прогулка по саду доказала, что, рассказывая о его прелестях, садовник ничуть не преувеличивал. Рэйчел словно оказалась в огромном аквариуме, наполненном вместо воды всевозможными благоуханиями.

Вспомнился дом в Лондоне, место где Рэйчел провела лучшие годы жизни и голос матери. Наоми Рэйчел водила дочь по небольшой оранжерее и учила распознавать цветы по запаху.

– Это роза, малышка... Правда, замечательно пахнет? Розы бывают самых разных цветов, но их лепестки всегда гладкие, с тонкими прожилками, которые можно почувствовать, коснувшись пальцами. Если ты действительно моя дочь, то обязательно полюбишь эти цветы...

Рэйчел тряхнула головой, чтобы прогнать воспоминания. Любительница роз, известный археолог Наоми Миддлуайт теперь наслаждалась ароматом любимых цветов где-то в райских кущах.

А жизнь ее дочери навсегда разделилась на два временных отрезка «до» и «после». Граница между ними была не столь знаковой, как Рождество Христово, но значила для Рэйчел очень много.

Некоторое время девочка и пес шли по вымощенной каменными плитами дорожке. Убедившись в том, что дяди Пьера в саду нет, Рэйчел свернула с дорожки и углубилась в заросли кустов, которые благополучно обходила с помощью Честера.

– Не пора нам возвращаться, бродяга? – поинтересовалась она у пса.

Вместо ответа Честер неожиданно зарычал и, вырвав поводок из руки хозяйки, умчался в неизвестном направлении. Рэйчел пришлось идти, ориентируясь на лай своего колли. Ее не шутку встревожило то, что Честер так разозлился. Обычно очень добрый пес, на этот раз просто выходил из себя.

– Ну и с чего бы это ты так разлаялся? – спросила девочка.

Услыхав хозяйку, Честер отрывисто тявкнул и притих.

– Это твоя собака?

Голос доносился откуда-то сверху, но Рэйчел сильно сомневалась в том, что удостоилась чести беседовать с Создателем.

– Честер – мой пес, – кивнула Рэйчел. – А за замком и усадьбой присматривает мой дядя, который не потерпит вторжения в сад посторонних.

– Вторжение! Слово-то, какое! Можно подумать, что я проломил ограду тараном и ворвался сюда во главе полчищ косматых гуннов! Разочарую тебя: я не Атилла, а эта ограда не Великая Китайская стена.

Рэйчел уже сообразила, что разговаривает с мальчиком примерно своего возраста и улыбнулась.

– В своем нынешнем положении ты скорее Тарзан. Мне кажется, что если ты спустишься с дерева, то беседовать станет значительно удобнее.

– Ага! Так я и спустился! Твоему зверюге только этого и надо!

– Честер разрывает людей на куски лишь по моему приказу. Если вы будете вести себя по-джентельменски, мы сумеем договориться. Честер – свои!

Послышался шелест ветвей и стук ног о землю.

– Вообще-то я – прирожденный джентльмен. А зовут меня Клод Рэймонд.

– Рэйчел Миддлуайт. С Честером вы уже успели познакомиться.

– Это – настоящий монстр! – рассмеялся Клод. – Едва я перелез через ограду, как он загнал меня на яблоню.

– Охота за незваными гостями не является основной специальностью Честера. Вообще-то он мой поводырь.

– Ты...

– Слепая с рождения, – девочка демонстративно поправила солнцезащитные очки. – Обычно это обстоятельство несколько коробит...

– Не продолжай, Рэйчел. Я рад знакомству с тобой и замечу, что тоже не вызываю у окружающих бурного восторга. Одноклассники прозвали меня Большим Клодом. На самом деле я не такой уж и большой, а попросту толстый.

– Теперь мы знаем, друг о друге почти все, – Рэйчел присела на корточки и отцепила поводок. – Месье Большой Клод, кажется, гордо заявлял о том, что он – джентльмен и, наверное, не прочь предложить даме руку?

– С огромным удовольствием! Прогуляемся по саду?

– Подозреваю, что ты здесь не в первый раз, а значит, будешь хорошим гидом.

– Это пожалуй единственная польза, которую ты можешь извлечь из старины Клода!

Подростки, сопровождаемые умиротворенным Честером, вышли на дорожку. Клод кратко и с юмором рассказал о своей школе, а затем спросил:

– Ты родственница хозяина?

– Нет. Племянница садовника. Дядя Пьер – мой единственный родственник.

– Сирота? – нахмурился Клод.

– Стала ею два месяца назад. Родители были археологами и погибли на раскопках акрополя ацтеков.

– Мне жаль. Прими мои соболезнования, Рэйчел. А ацтеки – это интересно... Они между прочим были коммунистами.

– Твои познания о древних культурах широки, а мнение, мягко говоря, немного утрированное. Почему коммунисты?

– Я читал, что Верховный Жрец, руководивший этим народом, имел собственный земельный надел, который обрабатывал лично. Круто, а?

– Очень, – согласилась Миддлуайт. – Значительно круче сада в старой усадьбе, куда приходится лазать через ограду.

– Оставь свои колкости, Рэйчел! За неимением под рукой акрополей сойдет и Крессе де Молэ. Ты хоть знаешь, куда попала? Здесь жил сам...

– Судя по названию – Жак де Молэ, – перебила девочка. – Великий Магистр Ордена тамплиеров. Его сожгли на костре. Я читала серию Мориса Дрюона “Проклятые короли”.

– Да, Жак де Молэ, – пробормотал Рэймонд. – Читала?

– Слепые тоже читают, Большой Клод, – с улыбкой сообщила Рэйчел. – У меня много аудиокниг. К тому же я в совершенстве освоила азбуку Брайля. Приходится ведь как-то выходить из положения. А ты думал, что слепые годятся лишь на то, чтобы клеить конверты и упаковывать скрепки в полиэтиленовые пакетики?

– О книгах, которые сами себя читают, я совсем не подумал! – воскликнул мальчик. – Это круто! Лежи себе на диване, смотри телик и слушай!

– А ты оказывается лентяй, дорогой Клод.

– Ни капельки, Рэйчел! Ты ведь дашь мне послушать что-нибудь из своей аудиотеки?

– Ладно, уж... Если конечно пообещаешь, что не забросишь обычные книги.

– Слово будущего полицейского!

– Тихо! – Рэйчел поднесла палец к губам. – Сюда кто-то идет...

– Тебе показалось. Я ничего не слышу.

– Ты и не можешь слышать на таком расстоянии.

Клод раздвинул ветки кустов.

– Так и есть – Фрида! Мне не хотелось бы встречаться с этой...

– Ты хотел сказать ведьмой?

– Гм... Почти, – смутился подросток.

– Тогда до завтра?

– На том же месте! – прошептал Клод. – Предупреди Честера. Мне не хочется опять влезать на яблоню. Сама понимаешь: с моей-то комплекцией...

Новый знакомый Рэйчел рванулся к ограде, а через минуту девочка встретила с Фридой.

– Мы с твоим дядей обыскали весь замок и очень волновались, – с места в карьер начала мадемуазель Мулеж. – Ты должна предупреждать нас, если собираешься уходить далеко.

– Учту это, тетушка.

– Уж будь так любезна, Рэйчел.

По пути к замку они не сказали друг другу ни слова. Дядя Пьер уехал к знакомым в деревню и Рэйчел пришлось ужинать вдвоем с Фридой.

Доедая десерт, девочка думала о словах комиссара Мортрэ, назвавшего Крессе невеселым местом.

“Будь замок трижды Диснейлендом, благодаря тетушке Мулеж, он все равно никого бы не развеселил”, – подумала Рэйчел.

3

Жак Ларуш протирал от пыли свой хрустальный шар, когда квартиру наполнили звуки мелодии, под которую могли бы танцевать и якутские шаманы, и гаитянские приверженцы культа вуду. Эти заунывные звуки издавал дверной звонок.

– Черт! Неужели опять он?

Недавно Жак отметил тридцать восьмой год земной жизни, но из-за умения передвигаться с кошачьей грацией, спортивной фигуры и неотразимой улыбки выглядел значительно моложе своих лет. Это мешало работе и Ларуш испробовал много способов добрать недостающую солидность. Наиболее удачным из них были очки в вызывающе модной и очень дорогой оправе. Жак так надоел своему офтальмологу, что тот поступился профессиональной совестью и обнаружил у Ларуша редкое заболевание – светобоязнь.

Без очков Жак видел также хорошо, как в них, однако заставлял себя носить их и подолгу любовался в зеркале отражением молодого, но внушающего доверие парня.

Светобоязнь было последним, от чего мог страдать Ларуш в своей квартире, которая служила ему и офисом. Плотные портьеры черного цвета надежно преграждали путь солнечным лучам, создавая таинственный полумрак и некоторые неудобства: по утрам, не успев как следует проснуться, Ларуш, по пути в ванну не раз наткался на стулья, а один раз даже сбил с бюро гипсовую скульптурку неведомого бога. После падения статуэтка утратила часть носа и стала поразительно похожа на сфинкса, охраняющего пирамиды.

Последней характерной особенностью жилища Ларуша, был набор современной высокотехнологичной аппаратуры втиснутой в малоподходящие для нее места. Как ни пытался Жак сделать компьютер, телевизор с жидкокристаллическим экраном и музыкальный центр незаметными, они предательски высывали из потаенных уголков свои сверкающие бока и наводили клиентов на мысли о том, что хозяину квартиры не чуждо ничто человеческое.

Ларуш положил тряпку, на цыпочках подошел к двери и принял к “глазку”. Он боялся увидеть на лестничной площадке хозяина дома мистера Рейнольдса, которому задолжал квартплату за целых полгода. Старик не раз подкарауливал Жака на крыльце, напоминал ему о долге, а в последний раз даже пригрозил подать на нерадивого жильца в суд. Ларуш изворачивался, как мог и в отчаянии предложил Рейнольдсу организовать сеанс связи с покойной женой или, на худой конец, предсказать будущее.

– Мое будущее, молодой человек, мне в общих чертах известно, – отклонил заманчивые предложения Рейнольдс. – Скажу больше: мне известно то, что вскоре ожидает вас.

– Вот как? – удивился Ларуш. – Тогда не открыть ли нам совместное дело?

– Если не внесете квартплату, то свое дело будете продолжать в другом месте. Разумеется после судебного разбирательства.

Увидев на лестничной площадке дородную старушенцию с несколькими подбородками и беспокойным взглядом, Жак с облегчением вздохнул. Перед тем, как открыть дверь, он сорвал с вешалки черный атласный халат, набросил его и туго затянул широкий пояс, украшенный вышивкой из каббалистических знаков.

Теперь он был готов предстать пред светлы очи посетительницы в своей второй, самой прибыльной ипостаси известного медиума и прорицателя.

Как только дверь была отперта, старушка ворвалась в коридор с мощью бурного потока, пробившего плотину.

– Ах, мсье Жак! Здравствуйте, мсье Жак! Если бы вы только знали, мсье Жак!

– Что-то случилось, миссис Ведсон? – Ларуш легонько подтолкнул старушку к двери в комнату.

– Все, как вы и предсказывали, мсье Жак! – миссис Ведсон устроила свои тела в кресле, и понизила голос до степени полной конспирации. – Сегодня ночью я разговаривала с Джоном!

– Отлично! – Ларуш едва сдержал желание потереть ладони. – И о чем вы же вы беседовали?

– Джон интересовался, поступил ли Эдуард в университет, – старуха достала из сумочки крокодиловой кожи необъятных размеров носовой платок и промокнула глаза. – Он всегда был таким заботливым отцом....

– Так– так! – Ларуш подсчитывал в уме сумму, которую удастся вытрясти из богатой вдовы. – Что еще?

– Я хотела спросить о деньгах снятых с банковского счета, но дух моего мужа внезапно замолчал...

“Еще бы! – мысленно ухмыльнулся Жак. – Ему видно не улыбалось давать честный ответ, на такой каверзный вопрос. Старый шалун, должно быть, проиграл деньги в бридж”.

– Мне приходилось сталкиваться с подобными ситуациями, миссис Ведсон. Существуют злобные духи, которые стремятся мешать нашему общению с усопшими.

– Как вы думаете, мсье Жак, не сестра ли покойного мужа прервала мой разговор с Джоном? Элизабет и при жизни была такой склочницей...

– Возможно.

– Ах, мсье Жак, я так и знала!

В течение следующих десяти минут Ларуш давал вдове Ведсон подробные инструкции, касающиеся правильного общения с загробным миром. Особое внимание старухи привлекли способы защиты от вторжений нежелательных духов вроде склочницы Элизабет. Миссис Ведсон даже нацепила на свой мясистый нос очки в золотой оправе и записала все сказанное Ларушем в блокнот.

Только после этого на свет божий был извлечен долгожданный бумажник и великолепный медиум мсье Жак получил причитающееся ему вознаграждение.

Выпроводив посетительницу, Ларуш пересчитал купюры и поморщился: несмотря на благоговейное к нему отношение, старая миссис Ведсон выплатила более чем скромный гонорар.

Жак размышлял над тем, в каком из ресторанов потратить деньги, когда зазвонил чудом не отключенный за неуплату телефон. Ларуш решил, что его беспокоит одна из многочисленных клиенток, закрыл трубку ладонью и откашлялся, чтобы придать своему голосу таинственность потомственного медиума, но все ухищрения пропали даром. Звонил французский поверенный Ларуша и, по мере разговора с ним, лицо Жака все больше вытягивалось, а уголки губ печально опускались вниз.

– Какие привидения? Перестаньте молоть чепуху или я найду другого посредника, который в два счета продаст Крессе де Молэ!

– Ищите! – прозвучало в ответ. – Лично я умываю руки. Возитесь с привидениями своих родичей сами, мистер Ларуш!

– Черт! – Жак положил трубку, в которой раздались короткие гудки. – Только привидений мне не хватало!

Несколько минут он задумчиво расхаживал по комнате. Задержка с продажей недвижимости во Франции означало только одно: ему не удастся вовремя залатать дыры в плотине своего материального положения. Пытаясь найти выход из тупика, Ларуш решил посоветоваться с Пьером Мулежем. Последний раз они встречались около пятнадцати лет назад. Тогда садовник, дворецкий и сторож в одном лице производил впечатление весьма здравомыслящего человека.

– Если уж старина Пьер начнет болтать о выходцах с того света, мне, в самом деле, придется лично умирять своих покойных предков! – бормотал Жак, листая записную книжку.

Звонок Мулежу не принес успокоения.

– В замке действительно происходит многое, чего нельзя объяснить, – уныло сообщил Пьер. – Мы с Фридой перестали обращать на это внимание, но покупатели... Думаю вам, месье Ларуш, следует принять меры.

– Меры, Пьер? Ты хочешь сказать, что я должен приехать в Крессе со своими хрустальными шарами, картами Таро, которые купил за тридцать долларов в магазинчике на тридцать пятой авеню?

– Вам нужно только дать свое согласие. Я говорил с нашим священником отцом Ангерраном Моруа. Он может пригласить из Ватикана известного экзорциста Форелли, которого хорошо знает по переписке.

– Все так серьезно?

– Да, месье Жак...

– Что ж... Считай, что мое согласие ты получил. Я вылетаю во Францию первым же рейсом.

Попрощавшись с Мулежем, Жак достал с антресолей пыльный чемодан и швырнул его на кровать.

– Ресторан отменяется, мистер медиум. Ужинать будем в столице мод и духов. Куда подевался сборник моих любимых заклинаний? Уж не забыл ли я его на вершине пирамиды Хеопса, где впитывал астральную энергию?

4

Рэйчел ворочалась в постели. Сначала она думала о Клоде. Затем воображение нарисовало ей сцены средневековых пиршеств, рыцарские турниры и жестокие расправы над еретиками. Размышляя о тамплиерах, девочка задремала, но уснуть не успела.

– Под пыткой!

Два слова прозвучали так отчетливо будто тот, кто произнес их, стоял у изголовья кровати.

Рэйчел села.

– Кто здесь?

Как и следовало ожидать, никто не ответил. Вверху скрипнули половицы. Рэйчел пыталась убедить себя в том, что этот звук вызван усыханием старой древесины, но через несколько минут вынуждена была признать: кто-то ходил по библиотеке. Лишь после того, как шаги неведомого любителя ночного чтения затихли, Рэйчел опустила голову на подушку.

– Замок полон загадок, мисс Мидллуйайт, – сказала девочка вслух, пытаясь хоть как-то разбавить гробовую тишину. – И тайн...

Новое испытание ждало Рэйчел уже через минуту. На этот раз глухой мужской голос доносился прямо из-за двери комнаты.

– Папа Климент... Король Филипп... Рыцарь Ногарэ...

Эти слова не были слуховой галлюцинацией! Рэйчел вновь села на кровати, стиснув зубы, которые были готовы застучать от страха и, слушая, как медленно поворачивается дверная ручка.

К счастью тот, кто пытался войти в комнату, быстро оставил свою затею. Из коридора донеслись удаляющиеся шаги. Вздых облегчения, готовый вырваться из груди девочки застрял в горле. Вспышка!

Рэйчел в ужасе закрыла глаза. Она впервые увидела окружающие предметы не где-то в подсознании, а в реальном времени. На долю секунды, но этого оказалось достаточно для того, чтобы до смерти испугаться.

Кровать, кресло и стул с аккуратно сложенной одеждой окутывал прозрачный туман. Очертания предметов были смазаны, но слепая девочка, не зная, как все должно выглядеть на самом деле, решила, что прозрела. Она досчитала до десяти, чтобы унять бешено бьющееся сердце и вновь открыла глаза. Мир по-прежнему плавал в тумане. Рэйчел встала. Босые ступни коснулись холодного пола. Тратить время на поиски тапочек было бы бессмысленным расточительством. Вспышка и прозрение не могли быть не связаны с человеком или существом, пытавшимся войти в комнату!

Рэйчел бросилась к двери, отодвинула засов и выглянула в холл.

Он был пуст, только в дальнем конце мелькнул край чьей-то белой одежды. В воздухе висели клочья тумана, которые колебались, едва Рэйчел их касалась и вновь замирали.

Девочка побежала в конец холла, сворачивавшего под прямым углом в пристройку, когда-то служившую часовней. Желание раскрыть тайну было столь велико, что Рэйчел позабыла о табу, которое сама же наложила на это помещение. Один поворот ручки и дверь с тихим скрипом распахнулась.

Рэйчел увидела коленопреклоненного человека с длинными седыми волосами. Он был одет в белый хитон, который почти сливался с туманом. Вышитый красный крест при этом выглядел особенно четко. Старец поднял руки к стрельчатому окну и согнул пальцы так, словно хотел схватить луну.

– Не пройдет и года, как я призову вас на Суд Божий!!!

Это был уже не шепот, а крик, насквозь пропитанный болью и яростью.

Рыцарь начал поворачиваться, но увидеть его лицо Рэйчел не успела. Мир погрузился в привычную темноту. Наваждение исчезло, и ставни волшебного окошка захлопнулись. Девочка почувствовала, как по щекам текут горячие слезы. Она была вновь слепа.

5

Несмотря на теплую погоду, мужчина свернувший с улицы Мадзини в хитросплетения узких улочек старого Рима, шел в застегнутом на все пуговицы сером дождевике с поднятым воротником. Из тени, которую отбрасывала на лоб широкополая шляпа, поблескивали глаза, при встрече с которыми редкие прохожие отводили взгляд.

Походка этого человека доказывала, что он уверен в себе и никогда не плывет по течению: мужчина не просто шел, а как бы впечатывал шаги в полукруглые камни мостовой.

Невесть как попавший в дебри исконного Рима толстячок-турист имел неосторожность расспросить мужчину в сером о том, как выйти на площадь Колонна.

– Прочь с дороги!

Короткая, произнесенная ледяным тоном фраза, заставила толстячка на время забыть о предмете поиска. Придерживая рукой, болтающийся на груди фотоаппарат, турист отпрянул к стене дома и долго не осмеливался смотреть вслед грубияну. Через минуту, когда человек в дождевике свернул в неприметный дворик за ржавой оградой недотепа-турист преобразился. Двигаясь быстро, но бесшумно, он подошел к ограде и через увитые виноградными побегами прутья, осмотрел двор. Мужчина в дождевике стоял перед массивной деревянной дверью, в которую, по всей видимости, успел постучать. Дверь открылась и в проеме, заслоня вход, появился рослый, коротко стриженный детина.

– Все в порядке, брат Бернар, это я.

Здоровяк отступил в сторону и почтительно склонил голову.

– Все в сборе? – поинтересовался вновь прибывший, расстегивая плащ.

– Да, грессмайстер.

– Проследи за подходами к дому. Я повстречал невысокого полного человека. На первый взгляд он выглядел, как турист, но мне показался подозрительным его акцент. Скорее всего, это итальянская ищейка, бесталанно имитирующая иностранца. Если он все еще там – убей без колебаний.

– Да, грессмайстер, – Бернар кивнул и выскользнул за дверь.

Тот, кого величали грессмайстером, быстро прошел по узкому, полному старой мебели и пустых деревянных ящиков коридору, распахнул двустворчатую дверь. Она вела в помещение, где бутафорское запустение сменилось богатым, даже изысканным убранством. Стены, пол и потолок покрывали дорогие ковры с вышитыми на них сценами средневековых битв. Огоньки пламени множества свечей как в зеркале отражались в полированной поверхности дубового стола. Сидевшие за ним шестеро мужчин одновременно встали и склонили головы, приветствуя грессмайстера.

Тот занял место во главе стола под портретом рыцаря в наряде тамплиера. Картину писал художник, знавший свое дело. Он немало внимания уделил деталям костюма, но больше всего удались глаза. Тот, кто смотрел в них испытывал желание опустить голову. Надпись внизу овальной позолоченной рамы, выполненная готическим шрифтом гласила: Жоффруа де Сент-Омер.

– Рад приветствовать вас, члены Генерального Капитула! – грессмайстер поднял вверх правую руку. – Хочу извиниться за вынужденное опоздание и готов выслушать ваши доклады.

Первым заговорил седой мужчина с крючковатым носом, бегающими глазами и массивным подбородком, носивший в петлице орден Почетного Легиона.

– Братство переживает тяжелые дни. Отголоски английского провала нашей миссии докатились до многих тайных убежищ Ордена. Задержан главный казначей, наложен арест на счета в банках Цюриха, Чикаго и Кипра...

– Значит, наша бухгалтерская крыса начала болтать, – руки гроссмайстера пришли в движение. Он словно бы душил изменника. – Где Скотланд-Ярд содержит арестованного?

– Это хранится в глубокой тайне, гроссмайстер, но для нас нет ничего невозможного. Как только станет известно...

– Он должен умереть медленной и мучительной смертью, – прервал выступающего гроссмайстер. – Пустите в ход секретные знания Ордена о ядах. Пусть изменник поизвивается в конвульсиях и поймет пред смертью, чем чревато нарушение обетов. Что может сообщить приор Италии?

– Ничего утешительного, мастер, – смуглый толстяк с набриолиненной прической, типичный мафиози, развел похожими на медвежьи лапы руками. – Инвесторы больше не верят нам. Они считают методы Ордена слишком радикальными. Лепечут о том, что члены «Храма Вельзевула» утратили всякую осторожность и это привело к краху.

– Позаботьтесь о том, чтобы эти говоруны испытали радикализм наших методов на собственной шкуре. На свете полно богатых недоумков. От того, что одним-двумя станет меньше, ничего не изменится. Нас станут сильнее уважать. Как поживает наш главный подопечный?

– Сестра Баалка следит за ним днем и ночью. Вы будете знать все о его планах, гроссмайстер.

– Отлично. Теперь очередь за новостями из Америки.

– Еще не все. Один из бывших друзей пытается нас шантажировать, – толстяк назвал имя и фамилию предателя. – Он на самом деле знает слишком много.

Выслушав сообщение о новом предательстве, гроссмайстер окаменел от ярости, опустил голову и впился пальцами в край стола. В течение минуты мертвую тишину нарушало только потрескивание свечей.

– Тварь! – прошипел гроссмайстер. – Им займется Бернар. Продолжайте!

В течение часа остальные члены Капитула поочередно докладывали гроссмайстеру о состоянии дел в своих приорствах и получали указания.

Из выступлений явствовало, что Орден находится на грани развала. Духовные и светские власти разных стран преследовали братьев, задерживали и заключали в тюрьмы. Удары следовали один за другим и даже глубоко законспирированная римская штаб-квартира не могла больше служить надежным убежищем. Денег, которые во все времена открывали любые двери, катастрофически не хватало. Выслушав доклады, гроссмайстер встал. Его тень упала на портрет за спиной.

– Ордену не привыкать к гонениям. Нас преследовали семь венков назад, пытаются искоренить и сегодня. Но! – гроссмайстер возвысил голос. – Клянусь прахом де Сент-Омера не пройдет и месяца, как мы вернем себе былое могущество и заставим трепетать врагов. Предатель де Молэ спрятал принадлежащие нам сокровища в одном из своих поместий. Долгие века богатства лежали мертвым грузом, а теперь послужат великой цели – возрождению Ордена! Мужайтесь, братья и ждите нашего общего звездного часа!

На улице начало темнеть. Толстяк, в котором гроссмайстер, с присущими ему проницательностью и звериным чутьем, угадал шпиона, стоял под ведущей во двор аркой. Необходимость играть роль заблудившегося простачка-туриста отпала: к вечеру улочка стала совершенно безлюдной.

Агент наружной слежки со вздохом взглянул на часы, сунул в рот сигарету и похлопал себя по карманам в поисках зажигалки. Прикуривая он наклонился, всего лишь на несколько секунд утратив бдительность. Этого оказалось достаточно, чтобы прятавшийся в зарослях винограда Бернар бесшумно покинул укрытие и оказался за спиной жертвы. Узкий стилет вонзился под лопатку шпиона. Толстяк, не издав ни звука, рухнул на землю, а каблук убийцы раздавил его дымящуюся сигарету.

Бернар возвратился в дом, прошел в зал, где заседал Капитул и прошептал несколько слов на ухо гроссмайстеру. Тот удовлетворенно кивнул, вручил штатному киллеру листок с адресом очередной жертвы и встал.

– Прежде чем расстаться еще раз напоминаю вам об осторожности. Новые потери недопустимы. Появляться здесь больше не следует. С каждым из вас я свяжусь лично.

Через десять минут из неприметной двери, выходившей на соседнюю улицу, вышел человек в сером плаще и надвинутой на глаза широкополой шляпе.

До своей конспиративной квартиры, находившейся на другом конце города, он добирался на такси. По давно заведенной привычке проехал мимо дома, через квартал остановил машину и рассчитался с водителем. Осторожность окупилась сторицей. Для того, чтобы засечь двух шпионов, гроссмайстеру хватило беглого взгляда. Первый стоял прямо у подъезда, делая вид, что пытается найти табличку с номером дома, а второй подстраховывал напарника в припаркованной у обочины машине.

Глава «Храма Вельзевула» холодно улыбнулся, расстегнул пуговицы плаща, который несколько стеснял движения и с беззаботным видом толкнул дверь подъезда. Оказавшись внутри, подбежал к лифту. Нажав кнопку верхнего этажа, отступил в темную нишу между стеной и шахтой лифта.

Агент появился в подъезде через минуту. Сначала шагнул к лестнице. Затем вернулся к лифту и посмотрел на табло, которое отсчитывало этажи. Услыхав шорох за спиной, он начал оборачиваться, запоздало сунул руку в карман. Гроссмайстер не стал пресекать бесполезную попытку достать оружие. Он сосредоточил всю силу своих тренированных мускулов в ладонях, которые сдавили шею шпиона, будто стальной обруч.

Умению уходить от слежки, искусству убивать быстро и бесшумно глава «Храма Вельзевула» учился годами.

Он оттащил безжизненное тело в нишу, где недавно прятался сам и без помех поднялся в квартиру.

Решив проучить итальянских полицейских и отбить у них желание его арестовывать, гроссмайстер привел в действие таймер спрятанного в шкафу взрывного устройства и спустился на улицу по пожарной лестнице на другой стороне дома, оказавшись позади автомобиля второго шпиона.

Тот уже начал проявлять признаки беспокойства, а когда мощный взрыв выбросил из окна квартиры оранжевые клубы пламени, стал открывать дверцу. Безжалостный убийца мгновенно оказался рядом. Одной рукой он толкнул свою жертву в салон, а второй швырнул туда же ручную гранату. Полицейский барахтался между сиденьями. Он успел нащупать ручку дверцы, когда прогремел новый взрыв, превративший автомобиль в груды искореженного металла.

Под вой сирен полицейских и пожарных машин, гроссмайстер спустился в подземный переход и, выйдя на противоположной стороне дороги, растворился в лабиринте улиц и переулков Вечного города.

Когда суета на месте двойного взрыва уже заканчивалась и зевакам надоело стоять у желтых лент с предупредительными надписями у развороченной машины появился мужчина, заметив которого полицейские вытянулись в струнку. Комиссар Тано Свенцо поднял голову вверх, взглянул на черный проем окна, закопченную стену и констатировал:

– Ты опять упустил Шатийона, Лакки.

Упрек был адресован лейтенанту Торчи, руководившему разработкой преступного сообщества.

– Это – суший дьявол, шеф...

– Пора бы и твоим ребятам научиться быть дьяволами! Ангелов, как видишь, твой Шатийон кушает на завтрак.

– Подавится, синьор комиссар. Обязательно подавится.

6

Луиджи Форелли довелось повидать многое. Он был свидетелем того, как из ртов одержимых бесами валил пахнувший серой дым. Наблюдал за парящей в воздухе тяжелой мебелью и слышал страшные богохульства, которые изрыгали уста людей, никогда в жизни не сквернословивших.

Выполняя свой профессиональный долг, экзорцист не раз находился на волосок от смерти и чувствовал на лице ее тлетворное дыхание. Он свыкся с мыслью, что может стать жертвой своего долга, но происшествие накануне поездки во Францию выбило этого мужественного человека из колеи.

Форелли предупредили о том, что очередная миссия может стать для него последней. И случилось это не где-нибудь в дебрях лесов Амазонки, не в забытой Богом сибирской деревушке, а в центре Рима – города, который трудно чем-либо удивить.

Отец Луиджи возвращался из университета, в котором читал курс лекций по истории религии, когда заметил впереди черный микроавтобус. Такой, в каком разъезжают курьеры, доставляющие пиццу. Необычным был его мрачный цвет и цифры на номерном знаке. Форелли видел только половину знака – две белых шестерки и почему-то подумал, что третьей цифрой тоже будет шестерка. Решив убедиться в том, что по Риму действительно разъезжает машина, украшенная Номером Зверя, священник попытался ее догнать. Затея оказалась трудновыполнимой. За рулем микроавтобуса сидел водитель, который чувствовал себя так, словно на дороге он один.

Микроавтобус несколько пересекал сплошную разделительную линию, обгонял и беззастенчиво подрезал попутные автомобили. Форелли так увлекся погоней, что не заметил, как сам сделался нарушителем. Несмотря на все усилия, вторая половина номера упорно не желала попадать в поле зрения священника: ее все время заслонял очередной из автомобилей. Нагнать микроавтобус удалось лишь после того, как он резко затормозил на светофоре. Форелли едва не врезался в задний бампер злополучного микроавтобуса, убрал ногу с педали тормоза и перевел дух. Теперь он имел возможность увидеть третью шестерку, но больше всего его поразило то, что четвертая цифра была заляпана толстым слоем грязи.

Отец Луиджи пожал плечами и, решив увеличить дистанцию, посмотрел в зеркало заднего вида. Там его ждал новый сюрприз: на ветровом стекле задней машины висело перевернутое распятие, а из глубины салона скалилась безобразная старуха, с венчиком седых волос на голове, через которые просвечивала пергаментно-желтая кожа.

В поисках помощи Форелли отчаянно завертел головой. С левой стороны священник увидел жуткую харю монстра, из пасти которого высывался зеленый язык, а справа – волосатую руку с фиолетовой татуировкой в виде черепа.

Отец Луиджи вздрогнул. Он был обложен, как дикий зверь! Демоны, которых он в свое время изгнал, возвратились, чтобы поквитаться с ним и устроили западню.

Форелли до боли в пальцах сжал рулевое колесо, закрыл глаза и начал молиться.

От общения с Богом его оторвали настойчивые гудки. Священник понял, что стал виновником затора и открыл глаза. Никаких демонов не было и в помине. Монстр с высунутым языком был изображен флуоресцентной краской на черной кожанке мотоциклиста, а татуировка-черепок украшала мускулистую руку его товарища. Вспыхнул зеленый свет, двигатели «чопперов» взревели и унесли байкеров в авангард транспортного потока.

Черный микроавтобус тоже недолго мозолил глаза и свернул на следующем перекрестке. Когда отец Луиджи достаточно успокоился для того, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида, то понял, что старушка не так уж и безобразна. Она успела поправить пластмассовое, прикрепленное к стеклу присоской распятие и не улыбалась, а сосредоточенно смотрела на дорогу.

Остаток пути Форелли проделал без приключений, но когда ставил автомобиль в гараж, заметил, что кожаная спинка сиденья стала блестящей от пота.

На первый взгляд, инцидент на дороге мог быть цепью не слишком приятных совпадений, но уж слишком зловещими были эти совпадения. Перевернутое распятие, череп, безобразный монстр и Номер Зверя не могли сойтись в одном месте и в одно время просто так. Меняя мокрую сорочку на свежую, Форелли смотрел на себя в зеркало и вышел к столу только после того, как на лице перестали читаться признаки волнения.

Отличный обед, проходивший под аккомпанемент милой болтовни служанки, вернул священнику хорошее настроение.

– Ваше любопытство, любезная Бланка, не знает границ, – улыбнулся он, снимая с шеи салфетку. – Если бы я не знал вас столько лет, то подумал бы, что вы шпионите за мной.

Смуглая пожилая итальянка в белом кружевном фартуке, быстро собрала со стола посуду.

– Просто волнуюсь, падре. Вы столько лет не покидали Рим, а теперь ни с того, ни с сего решили мчаться во Францию.

– Богу было угодно, чтобы мои скромные способности до поры, до времени не были востребованы, – ответил Форелли, осматривая стоявшие у двери чемоданы. – Такси уже вызвали?

– Конечно, отец Луиджи, – домработница выглянула в окно. – Более того, машина уже здесь.

– Прекрасно, милая Бланка. Провожать меня не надо. Не забывайте поливать цветы, и, умоляю вас, будьте снисходительнее к старому Луи.

– Котам положено ловить мышей, а не валяться весь день на подоконнике, – добродушно проворчала Бланка. – Ладно уж, мы не станем ссориться.

Попрощавшись с Форелли, женщина стояла у окна до тех пор, пока такси не уехало, а затем сняла трубку и набрала номер сотового телефона, по которому звонила только в случае крайней необходимости.

– Он уезжает, мастер Якоб. Да. Крессе де Молэ. Шестичасовым с вокзала Термини.

Не подозревая о том, что его шутливое замечание, сделанное домработнице за обедом, не так уж далеко от истины, Луиджи Форелли, ехал на вокзал, задумчиво поглядывая из окна на дома, фонтаны и туристов, наводнявших Рим в эту пору года. Священник намеренно остановил такси за квартал до вокзала, чтобы пройти мимо всемирно известной базилики Санта Марии Маджори.

Он действительно давно не покидал Вечный Город и испытывал некоторое волнение при мысли о том, что окажется вдали от Рима. Чувство разлуки было настолько пронзительным, что Форелли остановился и, поставив чемоданы, принялся любоваться базиликой так, будто видел ее первый или последний раз.

– Красиво, – произнес вслух кто-то за его спиной. – Нет, не красиво. Изумительно!

Мужчина лет пятидесяти, приятной наружности, дружелюбно кивнул обернувшемуся священнику.

– Только благословение Всевышнего способно вдохновить мастера на такой шедевр.

– Истинно так, сын мой.

Собеседник отца Луиджи озабоченно взглянул на наручные часы.

– Любоваться Санта Марией Маджори можно бесконечно, но... Вы случайно не в курсе, с какой платформы отправляется шестичасовой “Рим – Париж”?

– Случайно в курсе, – улыбнулся Форелли, который при всех своих многочисленных достоинствах имел существенный недостаток – излишнюю общительность. – Настолько в курсе, что могу проводить вас до искомой платформы. Вы едете в Париж?

– Возвращаюсь домой, – ответил мужчина. – Чтобы с благодарностью вспоминать несколько дней, проведенных в вашем гостеприимном городе, падре.

Попутчик Форелли, как выяснилось, занимался изучением античной мозаики. Карл Девиль заканчивал научный труд на эту тему и, кроме всего прочего оказался прекрасным собеседником. Он высказывал настолько интересные взгляды на вещи, что отец Луиджи решил пригласить Карла в свое двухместное купе. Археолог и священник нашли много общих тем для беседы, которая затянулась допоздна.

Девиль порзил Форелли своим практицизмом, который распространялся даже на веру.

– Чем мы с вами хуже Петра и Павла, которые удостоились чести ходить рука об руку с Сыном Божиим? – вопрошал Девиль. – Разве мы виноваты в том, что родились на несколько веков позже? Где справедливость?

– Отвечу вопросом на вопрос, – чтобы скрыть улыбку Форелли снял очки и принялся протирать стекла. – Что ответили бы вы бродяге, который сейчас вломился бы в это купе и предложил бы вам следовать за ним, напирая на то, что это единственно верный путь к спасению души? Наверняка вызвали бы проводника и принялись бы жаловаться, а?

– Удар ниже пояса, падре! – расхохотался архитектор. – И все-таки согласитесь: наш век оскудел на знамения.

– Бога нельзя найти в опыте, ибо он не принадлежит к миру явлений, – с улыбкой сказал Форелли собеседнику. – Вы, друг мой – просто создание, а находите в себе дерзость требовать отчета у Создателя.

– А почему бы и не потребовать? – запальчиво произнес Девиль. – Я...

Его слова застряли в горле, а из раскрытого рта вырвался стон. Правая рука дернулась к груди, пальцы вцепились в узел галстука.

– Что с вами?! – отец Луиджи вскочил со своего места, с ужасом глядя на закатившиеся глаза попутчика и его пунцовое лицо. – Вам плохо?!

Вызванный в купе проводник тщетно пытался нащупать у пассажира пульс. Форелли было предложено сменить купе и весь оставшийся путь он провел в тягостных раздумьях о человеке, умершем на его глазах, скорее всего от сердечного приступа, и о трактате про античную мозаику, которому не суждено быть дописанным.

На Лионском вокзале в Париже экспресс встречал наряд полицейских и карета “скорой помощи”. Все формальности быстро уладили. Носилки с трупом Карла Девилья задвинули в машину.

Священник проводил автомобиль полным печали взглядом и, перекрестившись, двинулся к выходу в город. У раздвижной двери вокзала к Форелли подошел человек в одежде священника.

– Отец Луиджи?

– Да.

– Ангерран Моруа. Рад приветствовать вас во Франции. Надеюсь, путешествие не было утомительным?

– Как сказать, как сказать...

Отец Моруа усадил гостя в свой автомобиль и священники отправились в Крессе де Молэ.

Утром следующего дня, полицейский, оформлявший дело умершего пассажира, ввел данные его документов в компьютер и удивленно вытаращил глаза. Оказалось, что известный архитектор Карл Девиль умер двумя неделями раньше. Причем не от сердечного приступа. Он был убит в своем загородном особняке. Дотошный страж правопорядка просмотрел газетные статьи, посвященные этому делу. В них имелась фотография покойного архитектора, который ничем не напоминал несчастного пассажира экспресса “Рим-Париж”...

7

Обед начался с того, что Фрида попыталась преподать Рэйчел урок этикета, основываясь на вечных истинах вроде «не чавкай» и «не говори с набитым ртом». Коса наткнулась на камень. Юной Миддлуайт, в свое время, довелось вместе с родителями побывать на званом ужине в одном из посольств.

К этому знаменательному событию Рэйчел готовилась целую неделю и прослушала бесконечно длинный аудиокурс о столово-посудных премудростях. В посольстве он не пригодился. Все гости вели себя раскованно и смаковали красное вино, не обращая внимания на размеры и форму бокалов, в которых его подавали. Зато теперь знания, пылившиеся на чердаке памяти, пришлось очень кстати.

Рэйчел покончила с супом, придвинула тарелку с салатом и похлопала ладонью левой руки по столу.

– Тетушка Фрида...

– В чем дело, Рэйчел?

– Я не могу найти закусочной вилки.

– Не поняла?

– В приличных домах, – на слове «приличных» девочка сделала ударение. – Вилки обычно кладут слева. Ближе к тарелке должна лежать вилка для основного блюда. Поскольку же я собираюсь есть салат, то мне следует воспользоваться закусочной вилкой, которой положено находиться с внешней стороны. Но ее здесь нет...

– В приличных домах. А здесь, стало быть, неприличный? – буркнула посрамленная Фрида. – Сегодня тебе придется ограничиться обычной вилкой.

– Ничего страшного, – кротко ответила Рэйчел. – Как-нибудь справлюсь...

– Сегодня, будем встречать сразу двух гостей, – сообщил Пьер, шурша утренней газетой. – Звонил отец Моруа. Он должен встретить с поезда итальянского священника, большого специалиста по... Освящению помещений. Кстати, Рэйчел, как прошла первая ночь на новом месте?

– Отлично, дядя! – соврала девочка. – Спала, как убитая.

– Вот и хорошо. Второй гость не менее важен. Это господин Жак Ларуш из Нью-Йорка. Единоличный владелец Крессе де Молэ.

– Старик? – спросила Рэйчел. – Обычно все владельцы старинных замков вроде этого, старички с седыми бакенбардами, опирающиеся на трость с золотым набалдашником. Так, по крайней мере, обстоит дело в книгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.